

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ
И ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

© 2023 г. М. М. Долгиева

Генеральная прокуратура Российской Федерации, г. Москва

E-mail: novator111@mail.ru

Поступила в редакцию 18.11.2022 г.

Аннотация. Различия в определениях цифровых финансовых активов, цифровой валюты и криптовалюты вызывают затруднения не только у правоприменителей, но и в науке уголовного права. Исследование автора показало, что термин «криптовалюта» не входит в понятие цифровой валюты и тем более криптовалюта не являются цифровыми финансовыми активами. Криптовалюты определены автором как виртуальный актив, который может являться объектом финансовой деятельности и вместе с цифровыми правами и цифровой валютой все виды виртуальных активов вовлечены в денежный оборот, и, соответственно, отношения, складывающиеся в данной сфере, подлежат уголовно-правовой охране как разновидность финансовой деятельности. Автором обосновывается вывод о том, что в перечень объектов, охраняемых уголовным законом, должны быть включены экономические (финансовые) отношения, частью которых являются правоотношения в сфере оборота виртуальных активов. Определено место таким правоотношениям в разделе преступлений против экономики.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровые права, криптовалюта, виртуальные активы, финансовые преступления.

Цитирование: Долгиева М.М. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Государство и право. 2023. № 11. С. 132–138.

DOI: 10.31857/S102694520023126-9

CRIMINAL LAW PROTECTION OF PUBLIC RELATIONS
IN THE FIELD OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS
AND DIGITAL CURRENCY

© 2023 M. M. Dolgieva

Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow

E-mail: novator111@mail.ru

Received 18.11.2022

Abstract. Differences in the definitions of digital financial assets, digital currency and cryptocurrencies cause difficulties not only for law enforcement officers, but also in the science of Criminal Law. The author's research has shown that the term "cryptocurrency" is not included in the concept of digital currency, and moreover cryptocurrencies are not digital financial assets. Cryptocurrencies are defined by the author as a virtual asset that can be an object of financial activity and, together with digital rights and digital currency, all types of virtual assets are involved in monetary circulation, and, accordingly, the relations that develop in this area are subject to criminal protection as a type of financial activity. The author substantiates the conclusion that the list of objects protected by criminal law should include economic (financial) relations, part of which are legal relations in the sphere of turnover of virtual assets. The place of such legal relations in the section of crimes against the economy has been determined.

Key words: digital financial assets, digital currency, digital rights, cryptocurrency, virtual assets, financial crimes.

For citation: Dolgieva, M.M. (2023). Criminal law protection of public relations in the field of digital financial assets and digital currency // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 132–138.

Правовая терминология отличается обилием новых понятий и определений, не всегда содержащихся в законодательстве, но активно обсуждаемых в прессе, науке и на практике. При этом большинство правоприменителей (да и в научных кругах) не всегда видят разницу в используемых понятиях, а потому совершенно различные термины зачастую употребляются в едином контексте, подразумевая одно и то же. Это становится очевидным в ходе исследования научных трудов или изучая работу правоохранительных органов, когда можно определить и понять глубину проблемы. Указанная автором ситуация в первую очередь имеет место при обсуждении таких терминов, как «цифровые финансовые активы», «цифровая валюта», «цифровые права» и «криптовалюта».

Большинство представителей правоохранительных органов (70% по опросу, проведенному автором в 2021–2022 гг.) считают, что все четыре перечисленных термина означают одно и то же, а именно криптовалюту. Кроме того, понятие «цифровые права» вызвало затруднение у правоприменителей-криминалистов, а «криптовалюта» и «цифровая валюта» для всех опрошенных — это идентичные понятия, и только сам термин «криптовалюта», что неудивительно, у респондентов не вызвал вопросов, и было указано, что это биткоин. В целом криптовалюты были отнесены к цифровым деньгам. И только 30% опрошенных (в их числе сотрудники не старше 35–40 лет) неплохо ориентированы в криптовалютной терминологии, а также в технологии распределенного реестра (блокчейн) и сталкивались с криптовалютой в профессиональной деятельности.

В юридической литературе также можно встретить работы, в которых авторы путают указанные понятия и криптовалюты становятся цифровыми правами, цифровыми финансовыми активами и цифровой и виртуальной валютой одновременно. При этом Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее — Закон о ЦФА) уже содержит термины «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта», и это очевидно не одно и то же.

Согласно положениям Закона о ЦФА цифровые финансовые активы — это цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Кроме того, указанное понятие отсылает к ст. 141¹ ГК РФ, еще более

широко толкующей указанный термин. Определение цифровой валюты, содержащееся в Законе о ЦФА, относит к таковой совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые могут быть приняты в качестве средства платежа, но при этом не являются денежной единицей ни Российской Федерации, ни какого-либо другого государства и в отношении которых отсутствует обязанное лицо или орган (государство или кредитная организация). Какие могут быть претензии к правоприменителям, если в Законе содержится такое неконкретное определение цифровой валюты, к которой, судя по его содержанию, можно отнести любую информацию в электронной сети. При этом очевидное ожидание от принятия Закона о ЦФА не было оправдано, а именно Закон так и не содержит ни слова о криптовалюте и о криптовалютных технологиях.

Безусловно, термин криптовалюта у всех на слуху, и любое обозначение чего-то цифрового неосведомленные правоприменители будут относить именно к ним, просто потому, что обществом криптовалюта воспринимается в качестве альтернативной формы денег, они вызывают живой интерес и широко используются в криминальной деятельности. Однако криптовалюты не регламентированы.

Тем не менее криптовалюты не являются ни цифровыми правами, ни цифровыми финансовыми активами, ни даже цифровой валютой.

Перечисленные понятия «цифровые финансовые активы», «цифровые права» и «цифровая валюта» имеют одну общую черту, которой нет у криптовалюты, — это обеспеченность денежными средствами. Любое право требования или финансовый инструмент основаны на законе и обеспечены валютой, их оборот строго регламентирован специальным отраслевым законодательством, а перечень, хотя и не является исчерпывающим, определен в соответствии с его положениями.

Ранее, до принятия Закона о ЦФА, различными авторами понятие криптовалюта исследовалось лишь в контексте именованной их цифровыми финансовыми активами, и в целом оборот криптовалют был отнесен к цифровым финансовым отношениям², однако даже сейчас некоторые ученые объединяют эти понятия. Так, например, не можем согласиться с мнением Ю.К. Цареградской о том, что термин «цифровые финансовые активы» наиболее подходит для регулирования вопросов,

² См.: Полякова В.В., Токун Л.В. Становление рынка цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Вестник ГУУ. 2019. № 6. С. 150–153.

¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5018.

связанных с криптовалютой, ввиду того, что становление данных понятий неразрывно связано³.

Цифровые финансовые активы равно цифровые права, понятие которых уже прочно закреплено в гражданском законодательстве. Понятие криптовалюты используется лишь в теории права, и применять имеющуюся законодательную терминологию в ином смысле, подменяя понятия, было бы неправильно, поскольку, во-первых, создаст путаницу в и без того сложной цифровой тематике, а во-вторых, замедлит реальную необходимость закрепления понятия именно криптовалюты в законодательстве.

И если Закон о ЦФА уже разграничил понятия цифровые финансовые активы и криптовалюты, то стоит перейти к обоснованию тезиса о том, почему криптовалюты не являются цифровой валютой.

Цифровая валюта, исходя из определения, — это те же деньги (официальная денежная единица), только электронные, которые могут использоваться в качестве альтернативной или дополнительной формы национальной валюты, с возможностью иметь обеспечение золотом или иным государственным активом (т.н. стейблкоины, например, в будущем это может быть крипторубль).

Цифровая наличность — это деньги на банковской карте, выпускаемые банком государства, имеющие эквивалент в действительности, определенный официальный курс и международное признание в качестве государственной валюты.

Безусловно, криптовалюты имеют основные признаки цифровой валюты — это цифровая сущность и возможность обмена на товары и услуги. На этом сходства заканчиваются и начинаются различия. Так, криптовалюты — это совершенно новая технология на основе криптографии и генерация криптовалют не зависит от официальных органов ни одного из государств. Существование и оборот криптовалюты поддерживается сетью компьютеров по всему миру, и правила, согласно технологиям, устанавливаются большинством участников криптовалютного сообщества. Что касается анонимности, то отследить цифровые транзакции гораздо сложнее, чем криптовалютные, поскольку они, несмотря на отсутствие идентификации криптокошельков, записывают все потоки криптовалюты в системе навсегда. Переводы в цифровой валюте можно отменить, обратившись к регулятору, в то время как отменить операцию с криптовалютой практически невозможно, для этого необходимо одобрение изменения в системе

³ См.: Цареградская Ю. К. Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 32–38.

участниками криптосообщества. С точки зрения защищенности данных криптовалюта даже более защищает сведения о ее держателе, нежели кредитная организация, которая хранит много конфиденциальной информации, периодически теряя ее.

Таким образом, криптовалюта и цифровая валюта — это два схожих, но независимых понятия. При этом более правильным, на наш взгляд, было бы использование термина виртуальная валюта применительно к криптовалюте. Именно виртуальный (неосязаемый) признак является причиной отождествления понятий всего цифрового с криптовалютой.

Как видим, все рассмотренные цифровые определения так или иначе связаны с понятием денег, к которым криптовалюта пока еще не имеет официального отношения, несмотря на то что обществом воспринимается не иначе как в виде альтернативной их формы. Вместе с тем, чтобы уйти от формального обозначения «валюта» в словосочетаниях «виртуальная валюта» и «криптовалюта», как представляется, вполне логичным было бы применение слов «виртуальный актив» или «криптоактив».

Термин «актив» в финансовом учете — это любой ресурс, принадлежащий или контролируемый бизнесом или экономическим субъектом⁴, а согласно Международному стандарту финансовой отчетности МСФО (IAS) 32⁵ актив — это экономический ресурс, который может приносить выгоды. Соответственно, активы могут быть как материальными, так и нематериальными. Таким образом, очевидная выгода от оборота криптовалют и от их владения позволяет отнести их к нематериальным активам, а в данном случае к виртуальным.

В целом все рассмотренные определения («цифровые финансовые активы», «цифровая валюта», «криптовалюта») позволяют объединить их под одним понятием виртуальные активы по единственному схожему их признаку цифровой (виртуальной) природы. При этом способность виртуальных активов быть предметом экономических и финансовых правоотношений прямо обуславливает и необходимость их уголовно-правовой охраны.

Специфика и взаимосвязь уголовного права с отраслевым законодательством основаны на предписаниях публичного и частного права,

⁴ См.: О'Салливан А., Шеффрин С. М. Экономика: принципы в действии. Вашингтон, округ Колумбия, 2021. С. 271.

⁵ См.: приказ Министерства финансов РФ от 28.12.2015 г. № 217н «О введении Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности в действие на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов (отдельных положений приказов) Министерства финансов Российской Федерации» // В официальных источниках опубликован не был.

и преступление представляет собой посягательство на отношения, урегулированные нормами публичного права⁶, при этом «финансовые отношения, входящие в предмет иноотраслевого регулирования, в уголовном праве составляют не предмет регулирования, а предмет охраны»⁷.

Бланкетность уголовного закона является основой поддержания социальной системы в стабильности. Уголовная политика противодействия различным видам преступлений должна быть основана на определенной системе норм и предписаний специального характера и базироваться на показателях уровня такой преступности. Вместе с тем преступления, совершаемые в сфере оборота виртуальных активов, перечисленных выше, не исследованы в динамике, при этом настолько очевидны, что в порядке исключения можно сформулировать вывод об их масштабах на основе лишь только одних данных официальных органов: Центрального Банка РФ и Росфинмониторинга, согласно которым объем теневых операций с использованием криптовалют в 2020 г. составил 798.5 млн долл., что менее 0.05% от общего объема годового оборота крипторынка, а оборот операций с криптовалютой в 5 млрд долл. в год (оценка из доклада ЦБ России) – это всего 1.8% от валютных остатков на счетах компаний и физлиц (около 19.614 трлн руб. по результатам III квартала 2021 г.)⁸.

Таким образом, преступления в сфере оборота виртуальных активов отражают уровень цифровизации криминалитета и криптовалюты всё чаще становятся предметом легализации (отмывания) преступных доходов. В целом такой незаконный оборот можно отнести к финансовой преступности как наиболее известному варианту преступного использования виртуальных активов. Соответственно, совокупность теоретических основ, направленных на разработку мер эффективно противодействия новым видам посягательств, должна являться основой уголовной политики государства, в том числе и в целях возмещения причиненного ущерба, который также является цифровым (виртуальным).

Научное исследование правоотношений, возникающих в сфере оборота виртуальных активов, будет являться межотраслевым и иметь комплексный характер. Так, указанные правоотношения затрагивают различные сферы деятельности общества

⁶ См.: Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 36.

⁷ Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: науч.-практ. пособие / отв. ред.: И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М., 2021.

⁸ См.: URL: <https://www.forbes.ru/finansy/453619-cb-otvetil-kritikam-svoego-doklada-o-regulirovanii-kriptoalut>

и государства, в частности, если речь идет о цифровых финансовых активах и цифровой валюте, то задействованы могут быть налоговые, бюджетные, административные правоотношения, в случае с криптовалютой – финансовые отношения и отношения собственности.

Субъектами таких виртуальных правоотношений могут быть как участники предпринимательской деятельности, так и любые другие субъекты права, не обладающие признаками специального субъекта, в случае если речь идет об обороте криптовалюты.

Как экономическая ценность виртуальные активы более всего подвержены преступным посягательствам, при этом средства и способы таких посягательств также приобретают цифровую активность, чем еще более усложняют возможность противодействия им. Кроме того, отсутствие правового режима криптовалют порождает противоречивую судебную практику, основанную также на буквальном применении закона судьями по принципу есть закон – есть охрана, нет закона – нет охраны, как это имело место в ряде судебных решений кассационных судов общей юрисдикции⁹. Благо перечень объектов уголовно-правовой охраны, перечисленный в Уголовном кодексе РФ, не является исчерпывающим, при этом сложность в определении конкретного объекта посягательства в сфере оборота виртуальных активов обусловлена разбросом норм, преступления о которых совершаются с их использованием или в их отношении (гл. 22, 28, 30 и т.д.). Полагаем, что в науке права может быть обосновано мнение о включении в число охраняемых уголовным законом общественных отношений именно правоотношений, возникающих в связи с оборотом виртуальных активов, либо как самостоятельного объекта, либо как части экономических или финансовых отношений. Необходимая поддержка общества и власти в вопросах формирования адекватного юридического и социального оформления отношений, складывающихся в сфере оборота виртуальных активов, достигнута уже давно, а потому требуется изменение доктринальной разработанности теории уголовного права.

Необходимо отметить, что структурирование уголовного законодательства на основе разделения объектов уголовно-правовой охраны по вертикали, по принципу родовых и видовых объектов преступлений не позволяет причислять многообъектные социальные явления к определенному объекту, поскольку они прямо не подпадают под указанные категории. Регулирование отношений в сфере

⁹ См.: Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2020 г. по делу № 7У-10543/2020[77-1839/2020]; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.06.2021 г. по делу № 77-1411/2022 // СПС Гарант.

оборота виртуальных активов с точки зрения объекта уголовно-правовой охраны необходимо начинать с установления уголовно-правовых запретов. Поскольку с введением Закона о ЦФА было соблюдено основное условие бланкетности уголовного закона и, таким образом, закреплена возможность возникновения уголовно-правовой охраны таких правоотношений, то в качестве завершающего ее этапа в науке, а затем и нормативно должны быть отражены признаки указанных правоотношений. Таким образом, следует согласиться с мнением ряда ученых о том, что положения ст. 2 УК РФ требуют дополнений применительно к указанию на экономические (финансовые) отношения в числе объектов уголовно-правовой охраны¹⁰.

В качестве условия обновления нормы об объектах уголовно-правовой охраны можно отметить существенные изменения в вопросах процессуального права относительно перераспределения подследственности между контролирующими органами, например, уточнен порядок возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере налогов и страховых взносов, согласно которому поводом и основанием для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199² УК РФ, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела¹¹.

В целях противодействия незаконному обороту криптовалюты формирование новых задач определяет направленность действий законодателя по повышению действенности уголовного законодательства, его совершенствования и повышению уровня правоохранительной деятельности, что, в свою очередь, и является важнейшими задачами уголовной политики государства¹².

Термин «уголовно-правовая охрана», являясь законодательной категорией, должен быть весьма конкретным. Очевидно, что перечислять в ст. 2 УК РФ все виды правоотношений на основе видового объекта было бы нелогичным. Однако, на наш взгляд, экономические (финансовые) отношения, к которым можно отнести и отношения в сфере оборота виртуальных активов, имеют право быть

охраняемыми государством. При этом в науке уголовного права констатировано, что понятия «объект преступления» и «объект уголовно-правовой охраны» имеют одинаковое значение именно в силу указанных положений закона¹³.

С учетом того, что объект преступления – это не только общественные отношения, но и правовые блага и социальные ценности, в отношении которых совершается посягательство и которые берет под защиту уголовное право¹⁴, то следует согласиться с мнением о том, что полный и исчерпывающий перечень объектов уголовно-правовой охраны должен быть представлен самостоятельной нормой уголовного закона, дабы «определить приоритеты и исключить выборочную репрессию»¹⁵.

Отсутствие перечня социальных явлений (общественных отношений или благ), подлежащих безусловной уголовно-правовой охране, не позволяет конкретизировать сферу применения уголовного закона к внешним проявлениям, особенно в сфере виртуальных активов, например, когда речь идет о криптовалютных финансовых пирамидах, при которых привлекаются не денежные средства и имущество, а виртуальные активы. Квалификация такого преступления отсутствует в уголовном законе, а аналогия в уголовном праве не применяется.

Спорная юридическая характеристика деяний, которые причинили ущерб, являющийся при этом виртуальным, не позволяет однозначно установить признаки состава конкретного преступления, и найти место такому новому виду деяний в системе преступлений становится проблематичным, что, в свою очередь, нарушает ее целостность. Обновление и расширение состава объектов уголовно-правовой охраны, включение в их число важных и социально значимых ценностей и благ – тема для отдельного исследования. В данном контексте следует отметить, что советское уголовное законодательство к объектам охраны относил конкретные категории: собственность, личность, политическую и экономическую систему, общественный строй и социалистический правопорядок (ст. 1 УК РСФСР)¹⁶. Таким образом, охрана экономических (финансовых) отношений, в том числе и отношений в сфере оборота цифровых финансовых активов и виртуальных активов, как задача уголовного закона состоит в обеспечении их защищенности от

¹⁰ См.: Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): науч.-практ. пособие / отв. ред.: И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М., 2020.

¹¹ См.: Долгиева М.М. Налоговые преступления, совершаемые с использованием цифровых финансовых активов и криптовалют: вопросы уголовной ответственности // Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. 2022. № 3 (60). С. 42–48.

¹² См.: Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 16.

¹³ См.: Федоров М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // Ученые записки Пермского гос. ун-та им. Горького. 1957. Т. XI. Вып. 4. Кн. 2. С. 180.

¹⁴ См.: Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 4.

¹⁵ Разгильдиев Б.Т. Указ. соч. С. 17, 18.

¹⁶ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

преступных посягательств путем криминализации общественно опасных деяний.

Определяя понятие экономической деятельности, автор соглашается с формулировками, применяемыми в науке, относящими к таковой процесс преобразования ресурсов в продукт для удовлетворения производственных и непроизводственных потребностей общества и его членов посредством обмена материальными благами и услугами¹⁷. Финансовая деятельность как составляющая экономической деятельности — понятие более узкое и определяется в науке как деятельность публично-правовых и частноправовых субъектов в сфере использования финансовых активов (финансовых инструментов) для реализации обеспечивающих функций в рамках этих отношений¹⁸. Вместе с тем к финансовым отношениям относятся преимущественно денежные отношения, но иногда они могут складываться и вокруг имущественных, и главным в системе этих отношений является их правовая основа, т.е. финансы и финансовые инструменты должны быть легальными. Закон о ЦФА, регламентирующий оборот цифровых финансовых активов (цифровых прав) и цифровой валюты, позволяет отнести их к финансовым отношениям. Что касается виртуальных активов, к которым автор относит в первую очередь криптовалюты, то именно в правовой неопределенности заключается проблема их включения в число объектов уголовно-правовой охраны, несмотря на то что они структурированы в финансовую систему государства. Более того, криптовалюты, если говорить об уровне их вовлеченности в незаконную экономическую деятельность, образуют параллельную финансовую систему, что в будущем может повлечь серьезные последствия для денежного оборота¹⁹. Таким образом, можно констатировать необходимость включения правоотношений, связанных с оборотом цифровых финансовых активов, цифровой валюты и виртуальных активов, в сферу финансовой деятельности и сформулировать вывод о том, что финансовые отношения как часть экономических отношений есть не только регламентированные правом экономические денежные отношения, но также и отношения в связи созданием, передачей и отчуждением виртуальных активов, а также отношения в сфере оборота цифровых финансовых активов и криптовалюты.

¹⁷ См.: Экономика: учеб. / под ред. А.С. Булатова. 2-е изд. М., 1997. С. 783.

¹⁸ См.: Ляскало А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 15.

¹⁹ См.: Долгиева М.М. Криптопреступность на фоне специальной военной операции и западных санкций // Актуальные проблемы росс. права. 2022. № 8. С. 144–149.

Научное обоснование вышеуказанных выводов позволит применять отраслевые положения в вопросах юридической характеристики новых видов посягательств.

Поскольку уголовная ответственность предусматривается не только за непосредственные преступления в области финансового законодательства, но и за отдельные формы незаконного поведения (например, мошенничество, организация преступного сообщества и т.д.), соответственно, в качестве родового объекта исследуемых преступлений возможно назвать именно экономические отношения. Видовым объектом преступлений в сфере оборота цифровых финансовых активов, цифровой валюты и виртуальных активов (криптовалюты) будут являться уже сформировавшиеся в науке уголовного права определения с их расширительным толкованием и отнесением к ним правоотношений, непосредственно затрагивающих оборот виртуальных активов на принципах свободы экономической деятельности, реализации ее на законных основаниях, добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности, их добросовестности, запрета заведомо криминальных форм их поведения.

* * *

Таким образом, установленные межотраслевые связи экономической и финансовой деятельности, норм финансового и уголовного права позволяют закрепить в конструкциях норм уголовного закона новый перечень объектов уголовно-правовой охраны, включив в него правоотношения в сфере оборота виртуальных активов, и установить ответственность за финансовые преступления в форме бланкетных норм, определив им место в разделе преступлений против экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгиева М.М. Криптопреступность на фоне специальной военной операции и западных санкций // Актуальные проблемы росс. права. 2022. № 8. С. 144–149.
2. Долгиева М.М. Налоговые преступления, совершаемые с использованием цифровых финансовых активов и криптовалют: вопросы уголовной ответственности // Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. 2022. № 3 (60). С. 42–48.
3. Ляскало А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 15.
4. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 4.
5. О'Салливан А., Шеффрин С.М. Экономика: принципы в действии. Вашингтон, округ Колумбия, 2021. С. 271.

6. *Пикуров Н.И.* Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 36.
7. *Полякова В.В., Токун Л.В.* Становление рынка цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Вестник ГУУ. 2019. № 6. С. 150–153.
8. *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 16–18.
9. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: науч.-практ. пособие / отв. ред.: И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М., 2021.
10. Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): науч.-практ. пособие / отв. ред.: И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М., 2020.
11. *Федоров М.И.* Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // Ученые записки Пермского гос. ун-та им. Горького. 1957. Т. XI. Вып. 4. Кн. 2. С. 180.
12. *Цареградская Ю.К.* Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 32–38.
13. Экономика: учеб. / под ред. А.С. Булатова. 2-е изд. М., 1997. С. 783.
3. *Lyaskalo A.N.* Financial crimes in Russian Criminal Law: modern concept and problems of qualification: dis. ... Doctor of Law. M., 2022. P. 15 (in Russ.).
4. *Nikiforov B.S.* The object of a crime under Soviet Criminal Law. M., 1960. P. 4 (in Russ.).
5. *O'Sullivan A., Sheffrin S.M.* Economics: principles in action. Washington, DC, 2021. P. 271 (in Russ.).
6. *Pikurov N.I.* Theoretical problems of intersectoral relations of Criminal Law: abstract ... Doctor of Law. Volgograd, 1998. P. 36 (in Russ.).
7. *Polyakova V.V., Tokun L.V.* Formation of the digital financial assets market in the Russian Federation // Herald of the GUU. 2019. No. 6. P. 150–153 (in Russ.).
8. *Razgildiev B.T.* Tasks of the Criminal Law of the Russian Federation and their implementation: abstract ... Doctor of Law. M., 1994. P. 16–18 (in Russ.).
9. Criminal and legal protection of the financial and budgetary sphere: scientific and practical manual / eds: I.I. Kucherov, O.A. Zaitsev, S.L. Nudel. M., 2021 (in Russ.).
10. Criminal law and economic activity (the ratio of private and public interests): scientific and practical manual / eds: I.I. Kucherov, O.A. Zaitsev, S.L. Nudel. M., 2020 (in Russ.).
11. *Fedorov M.I.* The concept of the object of a crime according to Soviet Criminal Law // Scientific notes of Gorky Perm State University. 1957. Vol. XI. Issue 4. Book 2. P. 180 (in Russ.).
12. *Tsaregradskaya Yu.K.* Cryptocurrency, digital financial assets, digital rights: terminological diversity in the process of formation of legal reality // Law and the digital economy. 2021. No. 2. P. 32–38 (in Russ.).
13. Economics: textbook / ed. by A.S. Bulatov. 2nd ed. M., 1997. P. 783 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Dolgieva M.M.* Crypto crime against the background of a special military operation and Western sanctions // Actual problems of Russian law. 2022. No. 8. P. 144–149 (in Russ.).
2. *Dolgieva M.M.* Tax crimes committed using digital financial assets and cryptocurrencies: issues of criminal liability // Herald of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (60). P. 42–48 (in Russ.).

Сведения об авторе

ДОЛГИЕВА Мадина Муссаевна – кандидат юридических наук, советник юстиции, прокурор Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации; 125993 г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 15а, стр. 1
ORCID: 0000-0001-8308-6038

Authors' information

DOLGIEVA Madina M. – PhD in Law, Adviser to Justice, Prosecutor of the Main Criminal-Judicial Department, Prosecutor General's Office of the Russian Federation; 15a, bld. 1 B. Dmitrovka, 125993 Moscow, Russia